



Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х.Гумеровой и Ю.А.Шикунова

город Санкт-Петербург

14 мая 2012 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

с участием гражданки Ф.Х.Гумеровой и ее представителя – адвоката К.Н.Винокурова, представителя Совета Федерации – доктора юридических наук А.С.Саломаткина, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан Ф.Х.Гумеровой и Ю.А.Шикунова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителями законоположение.

Поскольку обе жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.С.Бондаря, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – Е.А.Борисенко, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Абзац второй части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации, определяющей виды имущества, принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам, относит к такому имуществу жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, за исключением указанного в данном абзаце имущества, если оно является

предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание.

1.1. Кировский районный суд города Уфы определением от 26 октября 2010 года удовлетворил заявление гражданки Ф.Х.Гумеровой об изменении способа и порядка исполнения решения Калининского районного суда города Уфы от 1 апреля 2008 года о взыскании по договору займа от 6 марта 2002 года денежных средств, в том числе основного долга, процентов по договору и расходов на оплату услуг представителя, в общей сумме более 3 млн руб. Обращая взыскание на долю в размере $\frac{1}{3}$ в праве собственности должника на жилой дом путем реализации данной доли с публичных торгов, суд исходил из того, что за время проведения исполнительного производства должник не внес в счет погашения долга каких-либо денежных средств, а все предпринятые судебными приставами меры (наложение ареста на имущество на сумму 6280 руб. и обращение взыскания на пенсию) не дали эффективного результата. Учитывая эти обстоятельства, суд пришел к выводу, что баланс интересов участников исполнительного производства может быть достигнут путем распространения взыскания на часть принадлежащего должнику на праве собственности жилого помещения и что такое решение не приведет к нарушению его социальных прав, поскольку за ним будет сохранено право собственности на долю в размере $\frac{2}{3}$ в праве собственности на жилой дом площадью 332,5 кв. м.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 23 июня 2011 года определение Кировского районного суда города Уфы от 26 октября 2010 года было отменено, дело направлено на новое рассмотрение в тот же суд, который определением от 22 сентября 2011 года оставил заявление Ф.Х.Гумеровой без удовлетворения, указав, что находящийся в собственности должника жилой дом является для него единственным пригодным для постоянного проживания жилым помещением, в котором он зарегистрирован, а потому на

это имущество в силу статьи 446 ГПК Российской Федерации взыскание обращено быть не может.

Со ссылкой на ту же статью Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации Дорогомиловский районный суд города Москвы решением от 13 мая 2008 года, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 11 сентября 2008 года, отказал гражданину Ю.А.Шикунову в удовлетворении искового заявления об обращении взыскания и признании права собственности на принадлежащую ответчице долю в размере 1/4 в праве собственности на жилое помещение – квартиру общей площадью 81 кв. м. Отказывая в удовлетворении заявленных требований, обусловленных тем, что ранее вступившее в силу решение того же суда от 17 июня 2004 года о взыскании в пользу истца суммы причитающихся ему денежных средств по договору займа исполнено лишь частично, ответчица в добровольном порядке долг не выплачивает, а погашение сохраняющейся задолженности в размере более 1 млн руб. путем обращения взыскания на иное принадлежащее ей имущество невозможно ввиду отсутствия такового, суд исходил из того, что для ответчицы указанное жилое помещение является единственным пригодным для постоянного проживания и что ее доля составляет 20,25 кв. м, т.е. превышает социальную норму лишь на 2,25 кв. м.

Определением судьи Московского городского суда от 23 января 2009 года и определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 13 августа 2009 года в передаче надзорных жалоб Ю.А.Шикунова для рассмотрения в судебном заседании суда надзорной инстанции отказано.

1.2. В силу статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по жалобам граждан конституционность законоположений, примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, и затрагивающих конституционные права и свободы, на

нарушение которых ссылается заявитель, принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Нарушение абзацем вторым части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации своих прав, гарантированных статьями 15 (части 1 и 4), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 35 (части 1 и 3), 45, 46 (часть 1), 55 (части 2 и 3) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, заявители усматривают в том, что он не обеспечивает надлежащее и неукоснительное исполнение вступившего в законную силу решения суда о взыскании долга в ситуации, когда у гражданина-должника отсутствует какое-либо иное, помимо принадлежащего ему на праве собственности жилого помещения, имущество, за счет которого можно удовлетворить требования кредитора, поскольку не позволяет обращать взыскание по исполнительным документам на такое жилое помещение (его части), если оно является для должника и лиц, находящихся на его иждивении, единственным пригодным для постоянного проживания, независимо от общих количественных и качественных характеристик конкретного жилого помещения, его фактического использования и безотносительно к тому, что та его часть, которая после удовлетворения требований кредитора могла бы остаться в собственности должника, будет по площади не ниже санитарных норм и позволит сохранить за ним и лицами, находящимися на его иждивении, необходимый уровень существования.

Соответственно, абзац второй части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той части, в какой им

устанавливается в качестве общего правила запрет обращения взыскания по исполнительным документам на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности жилое помещение (его части), если это жилое помещение является для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в данном жилом помещении, единственным пригодным для постоянного проживания.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина обязанностью государства (статья 2), гарантирует каждому свободу экономической деятельности, право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами, защиту указанных прав и свобод, в том числе судебную защиту, реализуемую на основе равенства всех перед законом и судом (статья 8; статья 19, части 1 и 2; статья 35, части 1 и 2; статья 45, часть 1; статья 46, часть 1).

2.1. Обращаясь к вопросу о реализации государством в лице федерального законодателя при регулировании отношений собственности основополагающей обязанности, закрепленной в статье 2 Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам.

По смыслу статей 8 (часть 2), 35 (часть 1), 45 (часть 1), 71 (пункты «в», «д», «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации, право собственности, включая основания и порядок его приобретения, перехода и утраты, а также объем и границы правомочий по владению, пользованию и распоряжению имуществом, регулируется федеральным законом. Содержание данного регулирования, как следует из статей 1, 2, 15 (часть 4), 17 (части 1 и 2), 18, 19, 34 (часть 1) и 35 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации, не может определяться федеральным законодателем произвольно: отношения собственности в Российской Федерации должны регламентироваться в соответствии с принципами правового государства, на

основе юридического равенства и справедливости и исходя из того, что право собственности, равно как и все другие права и свободы человека и гражданина, признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации.

Право собственности и иные имущественные права – в силу статей 7, 15 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 46 и 55 (части 1 и 3) Конституции Российской Федерации и исходя из общеправового принципа справедливости – подлежат защите на основе соразмерности и пропорциональности, с тем чтобы был обеспечен баланс прав и законных интересов всех участников гражданского оборота – собственников, кредиторов, должников; возможные ограничения федеральным законом прав владения, пользования и распоряжения имуществом, свободы предпринимательской деятельности и свободы договоров также должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, пропорциональными, соразмерными, носить общий и абстрактный характер, не иметь обратной силы и не затрагивать существо данных конституционных прав, т.е. не ограничивать пределы и применение соответствующих конституционных норм; сама же возможность ограничений и их характер должны обуславливаться необходимостью защиты конституционно значимых ценностей, включая достойную жизнь и свободное развитие человека, обеспечение которых составляет обязанность государства, а также право каждого на жилище (статья 7; статья 40; статья 56, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Выраженные в Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы неприкосновенности собственности и свободы договора, предполагающие равенство, автономию воли и имущественную самостоятельность участников гражданско-правовых отношений, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, обуславливают свободу владения, пользования и распоряжения имуществом, включая возможность отчуждать свое имущество в собственность другим

лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, и вместе с тем – необходимость соотнесения принадлежащего лицу права собственности с правами и свободами других лиц. Это означает, в частности, что собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, если они не противоречат закону и иным правовым актам и не нарушают права и законные интересы других лиц; соответственно, предполагается и возможность исполнения собственником своих гражданско-правовых обязательств за счет принадлежащего ему имущества, в том числе относящегося к объектам недвижимости.

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенные в его решениях (постановления от 20 июля 1999 года № 12-П, от 6 июня 2000 года № 9-П, от 22 ноября 2000 года № 14-П, от 12 июля 2007 года № 10-П, от 20 декабря 2010 года № 22-П, от 22 апреля 2011 года № 5-П; определения от 4 декабря 2003 года № 456-О, от 17 января 2012 года № 10-О-О и др.), в полной мере распространяются на отношения, которые связывают кредитора и гражданина-должника, не исполнившего свое гражданско-правовое обязательство и в силу этого отвечающего принадлежащим ему имуществом перед кредитором, включая возможность обращения взыскания в предусмотренных законом случаях на имущество, относящееся к объектам недвижимости, в рамках исполнительного производства.

2.2. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, исполнение судебного решения, в том числе вынесенного в пользу кредитора в случае нарушения должником гражданско-правового обязательства, по смыслу статьи 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод, следует рассматривать как элемент судебной защиты; соответственно, защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт или акт иного уполномоченного органа своевременно не

исполняется, что обязывает федерального законодателя при выборе в пределах своей конституционной дискреции того или иного механизма исполнительного производства осуществлять непротиворечивое регулирование отношений в этой сфере, создавать для них стабильную правовую основу и не ставить под сомнение конституционный принцип исполнимости судебного решения (постановления от 30 июля 2001 года № 13-П, от 15 января 2002 года № 1-П, от 14 мая 2003 года № 8-П, от 14 июля 2005 года № 8-П, от 12 июля 2007 года № 10-П и от 26 февраля 2010 года № 4-П).

Эти требования согласуются со статьей 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, обязывающей государства обеспечить любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективные средства правовой защиты, а также с пунктом 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в его интерпретации Европейским Судом по правам человека, полагающим, что исполнение решения, вынесенного любым судом, должно рассматриваться как неотъемлемая часть «суда» в смысле данной статьи и что право каждого на судебную защиту стало бы иллюзорным, если бы правовая система государства допускала, чтобы окончательное, обязательное судебное решение оставалось недействующим к ущербу одной из сторон (постановления от 19 марта 1997 года по делу «Хорнсби (Hornsby) против Греции», от 7 мая 2002 года по делу «Бурдов против России», от 27 мая 2004 года по делу «Метаксас (Metaxas) против Греции», от 29 марта 2006 года по делу «Мостаччуоло (Mostacciuolo) против Италии (№ 2)», от 15 февраля 2007 года по делу «Райлян против России» и др.).

Поскольку в силу статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека и гражданина имеет в качестве своего объективного предела воспрепятствование реализации прав и свобод других лиц, причинение вреда их конституционно гарантированным интересам, федеральный законодатель, создавая условия, обеспечивающие

равную судебную защиту прав кредитора (взыскателя) и должника (ответчика), должен исходить из того, что возникающие коллизии их законных интересов во всяком случае не могут преодолеваются путем предоставления защиты одним правам в нарушение других, равноценных по своему конституционному значению.

В таких случаях права и законные интересы участников гражданского оборота должны получать соразмерную (пропорциональную) защиту на основе баланса конституционных ценностей. Применительно к нормативно-правовому регулированию разрешения судом коллизий интересов кредиторов и должников это означает, что установленные федеральным законодателем пределы возможного взыскания по исполнительным документам должны отвечать интересам защиты конституционных прав гражданина-кредитора, однако они не могут затрагивать основное содержание конституционных прав гражданина-должника, существо которых ни при каких обстоятельствах не должно быть утрачено.

2.3. Собственность, будучи материальной основой и экономическим выражением свободы общества и личности, не только является необходимым условием свободного осуществления предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, но и гарантирует как реализацию иных прав и свобод человека и гражданина, так и исполнение обусловленных ею обязанностей, а право частной собственности как элемент конституционного статуса личности определяет, наряду с другими непосредственно действующими правами и свободами человека и гражданина, смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивается правосудием (статья 18 Конституции Российской Федерации).

Соответственно, федеральный законодатель призван обеспечивать правовую определенность, стабильность и предсказуемость в сфере гражданского оборота, поддерживая как можно более высокий уровень

взаимного доверия между субъектами экономической деятельности и создавая все необходимые условия для эффективной защиты права собственности и иных имущественных прав. Вместе с тем он должен исходить из конституционной обязанности Российской Федерации как социального государства заботиться о благополучии своих граждан, сохраняя им условия для нормального существования, а также из конституционных основ правового статуса личности, в частности требования статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, в данном случае – права лица обязанного (должника), когда в рамках исполнительного производства возникает необходимость обращения взыскания на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности имущество, с тем чтобы не умалялось достоинство личности и не нарушались социально-экономические права граждан (статья 7, часть 1; статья 21, часть 1, Конституции Российской Федерации; статья 25 Всеобщей декларации прав человека).

Указанные конституционные начала взаимоотношений личности, общества и государства распространяются и на отношения, связанные с реализацией гарантированного каждому статьей 40 (часть 1) Конституции Российской Федерации права на жилище, которое получило международно-правовое признание в качестве одного из необходимых условий обеспечения права на достойный жизненный уровень (статья 25 Всеобщей декларации прав человека, статья 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах).

Право каждого на жилище, как оно закреплено Конституцией Российской Федерации и предусмотрено нормами международного права, опирается на выраженный в предписаниях статей 2, 17–19 и 21 Конституции Российской Федерации принцип, в силу которого человек является высшей ценностью и ничто не может служить основанием для умаления его достоинства как субъекта гражданского общества, чьи права и свободы во

всей их полноте находятся под защитой Конституции Российской Федерации, а следовательно, исключается отношение к нему лишь как к объекту внешнего воздействия.

Европейский Суд по правам человека в своей прецедентной практике исходит из того, что хотя в Конвенции о защите прав человека и основных свобод отсутствует определение права на обеспечение жилищем, тем не менее несомненно желательно, чтобы каждый имел место, где он мог бы проживать с достоинством и которое он мог бы назвать домом (постановления от 18 января 2001 года по делам «Ли (Lee) против Соединенного Королевства», «Берд (Beard) против Соединенного Королевства», «Костер (Coster) против Соединенного Королевства» и «Джейн Смит (Jane Smith) против Соединенного Королевства»).

Таким образом, право собственности на жилое помещение, являющееся для гражданина и членов его семьи единственным пригодным для постоянного проживания, не может рассматриваться как исключительно экономическое право, поскольку выполняет социально значимую функцию и обеспечивает гражданину реализацию ряда основных прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации.

3. Конституция Российской Федерации, определяя в качестве одной из целей социальной политики Российской Федерации заботу государства о социальной защищенности своих граждан, закрепляя право каждого на жилище и предполагая, прежде всего, ответственное отношение самих граждан к его осуществлению, одновременно возлагает на органы публичной власти обязанность создавать для этого необходимые условия, в том числе путем принятия федеральным законодателем в пределах предоставленных ему полномочий специальных актов, которые определяют порядок обеспечения жилыми помещениями и на основании которых должны разрешаться конкретные дела; при регулировании прав на жилое помещение, в том числе при переходе права собственности на жилое помещение, необходимо соблюдение баланса прав и охраняемых законом интересов всех

участников этих отношений, включая членов семьи собственника жилого помещения, гарантии прав которых должны рассматриваться как получающие защиту наряду с конституционным правом собственности, а также обеспечения возможности дифференцированного подхода к оценке возникающих жизненных ситуаций, с тем чтобы избежать необоснованного ограничения конституционных прав и свобод (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2003 года № 6-П, от 8 июня 2010 года № 13-П и от 27 февраля 2012 года № 3-П, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2006 года № 485-О, от 3 ноября 2006 года № 455-О и от 5 марта 2009 года № 376-О-П).

Осуществляя соответствующее правовое регулирование с учетом конкретно-исторических условий функционирования российской правовой системы, федеральный законодатель обладает определенной дискрецией в выборе тех или иных мер, направленных на обеспечение добросовестного исполнения гражданами своих гражданско-правовых обязательств и их ответственности, в том числе всем своим имуществом, перед кредиторами. Однако эти меры в рамках реализации судебной защиты имущественных интересов лиц, связанных отношениями «должник – кредитор», не должны нарушать справедливый баланс между ценностями, выраженными в признании и гарантировании права частной собственности и в общеправовом принципе добросовестного исполнения обязательств, с одной стороны, и правом на жилище – с другой.

Соответственно, при установлении механизма исполнительного производства федеральный законодатель – следуя принципам правового социального государства, призванного создавать условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека, – правомочен определить пределы обращения взыскания по исполнительным документам на жилые помещения, находящиеся в собственности граждан-должников, с тем чтобы обеспечить их права в жилищной сфере на уровне, позволяющем реализовать

естественную потребность в жилище как необходимом средстве жизнеобеспечения. При этом он связан требованием гарантирования гражданину-должнику права на жилище, как оно закреплено статьей 40 Конституции Российской Федерации, а следовательно, обеспечивая удовлетворение имущественных интересов кредитора (взыскателя), должен сохранять само существо данного конституционного права.

3.1. Согласно статье 24 ГК Российской Федерации гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, за исключением имущества, на которое не может быть обращено взыскание и перечень которого устанавливается гражданским процессуальным законодательством. В системной связи с названной нормой находятся часть 4 статьи 69 и часть 1 статьи 79 Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», предусматривающие в рамках общего порядка обращения взыскания на имущество должника правило, согласно которому при отсутствии или недостаточности у гражданина-должника денежных средств взыскание обращается на иное принадлежащее ему имущество, за исключением имущества, на которое взыскание не может быть обращено и перечень которого установлен Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, а именно его статьей 446.

Такое правовое регулирование, запрещая обращать взыскание по исполнительным документам на определенные виды имущества в силу его целевого назначения, свойств и признаков, характеризующих субъекта, в чьей собственности оно находится, обусловлено стремлением федерального законодателя путем предоставления гражданину-должнику имущественного (исполнительского) иммунитета сохранить ему и лицам, находящимся на его иждивении, условия, необходимые для достойного существования.

3.2. Вопрос о пределах действия имущественного (исполнительского) иммунитета при обращении взыскания по исполнительным документам на принадлежащие гражданину-должнику на праве собственности объекты

недвижимости, включая жилые помещения, уже затрагивался Конституционным Судом Российской Федерации.

В Определении от 4 декабря 2003 года № 456-О Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что положения части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации, запрещающие обращать взыскание не на любое принадлежащее гражданину-должнику жилое помещение, а лишь на то, которое является для него единственным пригодным для постоянного проживания, направлены на защиту конституционного права на жилище не только самого должника, но и членов его семьи, в том числе находящихся на его иждивении несовершеннолетних, престарелых, инвалидов, а также на обеспечение охраны государством достоинства личности, как того требует статья 21 (часть 1) Конституции Российской Федерации, условий нормального существования и гарантий социально-экономических прав в соответствии со статьей 25 Всеобщей декларации прав человека; предусмотрев пределы обращения взыскания по исполнительным документам на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности жилое помещение и ограничив тем самым право кредитора на надлежащее исполнение вынесенного в его пользу судебного решения, федеральный законодатель не вышел за рамки допустимых ограничений конституционного права на судебную защиту, установленных статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, что, однако, не исключает возможности конкретизировать данное регулирование в части, касающейся размеров такого жилого помещения.

Аналогичные выводы содержатся в определениях Конституционного Суда Российской Федерации от 20 октября 2005 года № 382-О, от 24 ноября 2005 года № 492-О, от 19 апреля 2007 года № 241-О-О, от 20 ноября 2008 года № 956-О-О, от 1 декабря 2009 года № 1490-О-О и от 22 марта 2011 года № 313-О-О. Именно изложенные в этих определениях правовые позиции, по сути, легли в основу толкования абзаца второй части первой статьи 446 ГПК

Российской Федерации, данного судами в решениях по делу гражданки Ф.Х.Гумеровой.

В развитие приведенных правовых позиций Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 17 января 2012 года № 10-О-О отметил, что положение абзаца второй части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации, устанавливающее запрет обращения взыскания на жилое помещение, если для гражданина-должника и членов его семьи оно является единственным пригодным для постоянного проживания, во взаимосвязи со статьей 24 ГК Российской Федерации предоставляет гражданину-должнику имущественный (исполнительский) иммунитет, с тем чтобы – исходя из общего предназначения данного правового института – гарантировать указанным лицам условия, необходимые для их нормального существования; такое регулирование выступает процессуальной гарантией социально-экономических прав этих лиц в сфере жилищных правоотношений, оно осуществлено федеральным законодателем в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий и само по себе не может рассматриваться как чрезмерное, противоречащее требованиям статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации ограничение прав кредитора.

Проверяя конституционность положения абзаца третьей части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации, устанавливающего запрет обращения взыскания по исполнительным документам на принадлежащие гражданину-должнику на праве собственности земельные участки, использование которых не связано с осуществлением им предпринимательской деятельности, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 12 июля 2007 года № 10-П еще раз подтвердил, что имущественный (исполнительский) иммунитет выступает процессуальной гарантией реализации социально-экономических прав гражданина-должника и лиц, находящихся на его иждивении, и призван обеспечивать им условия, необходимые для нормального существования и деятельности, в том числе профессиональной. Вместе с тем

Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что при определении пределов действия имущественного (исполнительского) иммунитета применительно к земельным участкам, не используемым в предпринимательских целях, федеральный законодатель – с учетом вытекающего из статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации требования соблюдения баланса интересов должника и кредитора (взыскателя) – должен принимать во внимание не только само по себе отсутствие у лица (должника) статуса индивидуального предпринимателя, но и общие количественные и качественные характеристики, целевое назначение и фактическое использование земельных участков, на которые может быть распространен особый правовой режим, предполагающий освобождение от взыскания; соответственно, поскольку ограничение прав должника связано прежде всего с обеспечением принудительной защиты нарушенных им имущественных прав взыскателя, федеральный законодатель должен стремиться к тому, чтобы в таких случаях гражданину-должнику и лицам, находящимся на его иждивении, сохранялся необходимый уровень существования.

Исходя из этого Конституционный Суд Российской Федерации признал положение абзаца третьего части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации – в той части, в какой им устанавливается запрет обращения взыскания по исполнительным документам на принадлежащие гражданину-должнику на праве собственности земельные участки, использование которых не связано с осуществлением им предпринимательской деятельности и которые не являются основным источником существования гражданина-должника и лиц, находящихся на его иждивении, обеспечивающим указанным лицам необходимый уровень существования, – чрезмерным, не пропорциональным конституционно значимым целям произвольным ограничением как имущественных прав кредитора, так и возможности гарантированной Конституцией Российской Федерации их надлежащей судебной защиты, а потому не соответствующим Конституции

Российской Федерации, ее статьям 17 (часть 3), 35 (часть 1), 45, 46 (часть 1) и 55 (часть 3).

Обращаясь к взаимосвязанным положениям абзаца второй части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации и Федерального закона от 16 июля 1998 года № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», предусматривающим изъятия из имущественного (исполнительского) иммунитета в отношении имущества, являющегося предметом ипотеки, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что эти положения в системе действующего правового регулирования не содержат неопределенности, направлены на обеспечение баланса прав и законных интересов взыскателей и должников и как таковые служат реализации предписаний статей 17 (часть 3), 35 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации (определения от 16 декабря 2010 года № 1589-О-О, от 17 января 2012 года № 12-О-О и № 13-О-О). При этом Конституционный Суд Российской Федерации сослался на сформулированную им в Постановлении от 12 июля 2007 года № 10-П правовую позицию, согласно которой законодательная регламентация обращения взыскания по исполнительным документам должна осуществляться на стабильной правовой основе сбалансированного регулирования прав и законных интересов всех участников исполнительного производства с законодательным установлением пределов возможного взыскания, не затрагивающих основное содержание прав должника и одновременно отвечающих интересам защиты прав кредитора (охватывающих его право требования), с целью предотвращения либо уменьшения размера негативных последствий неисполнения обязательства должником.

3.3. Решения Конституционного Суда Российской Федерации, в которых изложены приведенные правовые позиции, сохраняют свою силу. Учитывая их в настоящем деле при оценке конституционности абзаца второй части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации в части, устанавливающей в качестве общего правила запрет обращения взыскания по

исполнительным документам на жилое помещение (его части), принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности и являющееся для него и совместно проживающих с ним членов его семьи единственным пригодным для постоянного проживания, Конституционный Суд Российской Федерации исходит из следующего.

Правовая позиция, которая легла в основу признания Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации абзаца третьей части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации, сформулирована в Постановлении от 12 июля 2007 года № 10-П исключительно применительно к отношениям по обращению взыскания на принадлежащие гражданину-должнику на праве собственности земельные участки, использование которых не связано с осуществлением предпринимательской деятельности, и не может быть распространена на регулируемые положением абзаца второй части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации отношения по обращению взыскания на такой специфический имущественный объект, каковым является единственное принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности пригодное для постоянного проживания жилое помещение, а значит, не может служить основой для признания этого положения не соответствующим Конституции Российской Федерации.

Правовые позиции о целевом предназначении имущественного (исполнительского) иммунитета и о необходимости соблюдения принципа соразмерности при обеспечении защиты прав и законных интересов участников исполнительного производства позволили Конституционному Суду Российской Федерации прийти к выводу о том, что для федерального законодателя не исключается возможность конкретизации положения абзаца второго части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации в части, касающейся размеров жилого помещения, на которое может быть обращено взыскание по исполнительным документам, т.е. данное законоположение нуждается в корректировке, поскольку в правоприменительной практике,

исходящей из его буквального толкования, не во всех жизненных ситуациях может быть обеспечен надлежащий баланс законных интересов кредитора (взыскателя) и гражданина-должника.

Таким образом, положение абзаца второй части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации, устанавливающее имущественный (исполнительский) иммунитет в отношении принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности жилого помещения (его частей), которое является для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в данном жилом помещении, единственным пригодным для постоянного проживания, – поскольку оно направлено на защиту конституционного права на жилище не только самого гражданина-должника, но и членов его семьи, в том числе находящихся на его иждивении несовершеннолетних, престарелых, инвалидов, а также на обеспечение указанным лицам нормальных условий существования и гарантий их социально-экономических прав и в конечном счете на реализацию обязанности государства охранять достоинство личности – имеет конституционные основания и само по себе не может рассматриваться как посягающее на конституционные ценности, при том что соответствующий имущественный (исполнительский) иммунитет в целях обеспечения конституционного принципа соразмерности в сфере защиты прав и законных интересов кредитора (взыскателя) и гражданина-должника как участников исполнительного производства должен распространяться на жилое помещение, которое по своим объективным характеристикам (параметрам) является разумно достаточным для удовлетворения конституционно значимых потребностей в жилище как необходимом средстве жизнеобеспечения.

4. Положение абзаца второй части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации не может толковаться и применяться без учета конституционно-правовой природы имущественного (исполнительского) иммунитета в отношении жилых помещений, предназначенного не для того, чтобы в

любом случае сохранить за гражданином-должником принадлежащее ему на праве собственности жилое помещение, а для того, чтобы, не допуская нарушения самого существа конституционного права на жилище и умаления человеческого достоинства, гарантировать гражданину-должнику и членам его семьи уровень обеспеченности жильем, необходимый для нормального существования.

Соответственно, запрет обращения взыскания на единственное пригодное для постоянного проживания указанных лиц жилое помещение (его части) – исходя из понимания такого жилого помещения как достаточного для удовлетворения разумной потребности человека в жилище, право на которое должно быть гарантировано гражданину-должнику и членам его семьи в любом случае (даже в ущерб конституционно значимой цели исполнения судебных решений), – конституционно оправдан постольку, поскольку он направлен на сохранение для этих лиц жилищных условий, которые признаются приемлемыми в конкретной социально-экономической ситуации на том или ином этапе развития общества и государства.

Между тем положение абзаца второго части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации не содержит ориентиров для определения уровня обеспеченности жильем как разумно достаточного, что в настоящее время, в условиях развивающегося рынка жилья и изменения структуры жилищного фонда, может приводить к несоразмерному и не подкрепленному никакой конституционно значимой целью ограничению прав кредиторов в их имущественных отношениях с гражданами-должниками, а следовательно, нарушать баланс конституционно защищаемых интересов.

Отсутствие соответствующих ориентиров, а следовательно, возможности дифференцированного подхода при применении имущественного (исполнительского) иммунитета в отношении жилого помещения, принадлежащего на праве собственности гражданину-должнику и являющегося для него и членов его семьи единственным пригодным для постоянного проживания, не позволяет обратить взыскание по

исполнительным документам на такие жилые помещения, размеры которых могут значительно превышать средние показатели, а стоимость может быть достаточной для удовлетворения имущественных притязаний взыскателя без ущерба для существа конституционного права на жилище гражданина-должника и членов его семьи.

Распространение на подобные жилые помещения безусловного имущественного (исполнительского) иммунитета означало бы не столько стремление защитить конституционное право гражданина-должника и членов его семьи на жилище, сколько соблюдение исключительно имущественных интересов должника в ущерб интересам взыскателя, а следовательно, – вопреки требованиям, вытекающим из статей 8 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (часть 1) и 40 (часть 1) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), – нарушение баланса интересов должника и кредитора (взыскателя) как участников исполнительного производства.

Поскольку в основе законодательного целеполагания, которым предопределяется регулирование института имущественного (исполнительского) иммунитета в отношении жилых помещений, лежит именно гарантирование гражданам уровня обеспеченности жильем, необходимого для нормального существования, положение абзаца второго части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации не может рассматриваться как не допускающее ухудшения жилищных условий гражданина-должника и членов его семьи на том лишь основании, что принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности жилое помещение – независимо от его количественных и качественных характеристик, включая стоимостные, – является для указанных лиц единственным пригодным для постоянного проживания.

Следовательно, приоритет имущественных интересов гражданина-должника, в собственности которого находится жилое помещение, по своим характеристикам позволяющее удовлетворить требования кредитора

(взыскателя), связанные с надлежащим исполнением вступившего в законную силу судебного решения, без ущерба для нормального существования самого гражданина-должника и членов его семьи и для реализации ими социально-экономических прав, представлял бы собой необоснованное и несоразмерное ограничение прав кредитора (взыскателя). В связи с этим Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращал внимание федерального законодателя на возможность конкретизации положения абзаца второй части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации в части, касающейся размеров жилого помещения, на которое может быть обращено взыскание по исполнительным документам, с тем чтобы в исполнительном производстве в полной мере соблюдался баланс интересов взыскателя и гражданина-должника (определения от 4 декабря 2003 года № 456-О, от 19 апреля 2007 года № 241-О-О, от 20 ноября 2008 года № 956-О-О и др.), однако до настоящего времени соответствующие изменения в гражданское процессуальное законодательство не внесены.

В настоящем деле Конституционный Суд Российской Федерации, обязанный при осуществлении возложенных на него полномочий исходить в том числе из недопустимости осуществления прав и свобод человека и гражданина в нарушение прав и свобод других лиц, с одной стороны, и стабильности правоотношений в интересах их участников – с другой, не может не принимать во внимание, что в условиях, когда вопрос о том, какой размер жилого помещения на данном этапе развития общества может считаться удовлетворяющим требованию обеспечения разумной потребности человека в жилище и, соответственно, на какое жилое помещение, являющееся единственным пригодным для постоянного проживания гражданина-должника и членов его семьи, может быть обращено взыскание по исполнительным документам, федеральным законодателем не решен, признание абзаца второй части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации

повлекло бы риск неоднозначного и, следовательно, произвольного выбора соответствующих критериев правоприменителем, причем в отношениях, характеризующихся высокой степенью социальной уязвимости людей, и при том что существующие в жилищной сфере нормативы имеют иное целевое назначение и использованы быть не могут.

Исходя из принципа разумной сдержанности и руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75, частью первой статьи 87 и статьей 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации в настоящем деле считает возможным воздержаться от признания положения абзаца второго части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации.

Этим с федерального законодателя не снимается обязанность – исходя из Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций, изложенных в настоящем Постановлении, – в целях обеспечения конституционного баланса интересов кредитора (взыскателя) и гражданина-должника в исполнительном производстве внести необходимые изменения в гражданское процессуальное законодательство, регулирующие пределы действия имущественного (исполнительского) иммунитета применительно к жилому помещению (его частям), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания, с тем чтобы обеспечить возможность удовлетворения имущественных интересов кредитора (взыскателя) в случае, когда соответствующий объект недвижимости по своим характеристикам явно превышает уровень, достаточный для обеспечения разумной потребности гражданина-должника и членов его семьи в жилище, а также предусмотреть для таких лиц гарантии сохранения жилищных условий, необходимых для нормального существования.

Помимо критериев, которые позволяли бы определить жилое помещение как явно превышающее по своим характеристикам указанный уровень (площадь помещения – общая и жилая, его конструктивные особенности, рыночная стоимость и т.д.), федеральный законодатель должен предусмотреть порядок обращения взыскания на него, требующий выявления того, является ли данное помещение единственно пригодным для проживания собственника и членов его семьи, и гарантирующий им возможность удовлетворения разумной потребности в жилище, а также уточнить для целей данного регулирования перечень лиц, подпадающих под понятие «совместно проживающие с гражданином-должником члены его семьи».

При этом обращение взыскания на такое жилое помещение, если оно является для указанных лиц единственным пригодным для постоянного проживания, должно осуществляться на основании судебного решения и лишь в том случае, если судом будет установлено не только одно лишь формальное соответствие жилого помещения критериям, позволяющим преодолеть в отношении него имущественный (исполнительский) иммунитет, но и несоразмерность доходов гражданина-должника его обязательствам перед кредитором (взыскателем) и отсутствие у него иного имущества, на которое может быть обращено взыскание. Иное, особенно в случаях незначительного превышения предусмотренных законом нормативов, влечет риск нарушения прав гражданина-должника и членов его семьи и тем самым – нарушения баланса конституционно значимых ценностей, на защиту которого направлен данный правовой институт.

5. Согласно статье 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов

местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

Свойством общеобязательности, по смыслу названного Федерального конституционного закона, обладают все решения Конституционного Суда Российской Федерации, которые в силу части второй его статьи 79 действуют непосредственно и не требуют подтверждения другими органами и должностными лицами. При этом, как следует из части четвертой той же статьи, в случае, если решением Конституционного Суда Российской Федерации нормативный акт признан не соответствующим Конституции Российской Федерации полностью или частично либо из решения Конституционного Суда Российской Федерации вытекает необходимость устранения пробела в правовом регулировании, государственный орган или должностное лицо, принявшие этот нормативный акт, рассматривают вопрос о принятии нового нормативного акта, который должен, в частности, содержать положения об отмене нормативного акта, признанного не соответствующим Конституции Российской Федерации полностью, либо о внесении необходимых изменений и (или) дополнений в нормативный акт, признанный неконституционным в отдельной его части.

Приведенные предписания Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» в их взаимосвязи распространяются и на те случаи, когда, оценивая конституционность нормативного акта, Конституционный Суд Российской Федерации хотя и выявил в нем некоторые дефекты конституционно-правового характера, могущие в определенных ситуациях послужить предпосылкой для нарушения конституционно значимых ценностей, включая права и свободы человека и гражданина, но тем не менее, руководствуясь принципом разумной сдержанности, не признал их достаточным основанием для вывода о несоответствии рассматриваемого нормативного акта Конституции Российской Федерации и счел необходимым обратиться к законодателю с поручением устранить указанные недостатки.

Поскольку возможность формулировать в своих решениях поручения подобного рода predetermined конституционно-правовым статусом Конституционного Суда Российской Федерации как судебного органа конституционного контроля, призванного обеспечивать в рамках предоставленных ему полномочий эффективное и сбалансированное функционирование и развитие правовой системы Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации, законодатель не вправе оставлять без внимания решения Конституционного Суда Российской Федерации, в которых содержатся обращенные к нему поручения.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 6, частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положение абзаца второго части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации, устанавливающее имущественный (исполнительский) иммунитет в отношении принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности жилого помещения (его частей), которое является для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в данном жилом помещении, единственным пригодным для постоянного проживания, не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку данное законоположение направлено на защиту конституционного права на жилище не только самого гражданина-должника, но и членов его семьи, а также на обеспечение указанным лицам нормальных условий существования и гарантий их социально-экономических прав и в конечном счете – на реализацию обязанности государства охранять достоинство личности.

2. Установленный положением абзаца второй части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации имущественный (исполнительский) иммунитет в отношении принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности жилого помещения (его частей) – в целях реализации конституционного принципа соразмерности при обеспечении защиты прав и законных интересов кредитора (взыскателя) и гражданина-должника как участников исполнительного производства – должен распространяться на жилое помещение, которое по своим объективным характеристикам (параметрам) является разумно достаточным для удовлетворения конституционно значимой потребности в жилище как необходимом средстве жизнеобеспечения.

Исходя из указанных целей федеральному законодателю надлежит – в соответствии с требованиями Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций, выраженных в настоящем Постановлении, – внести необходимые изменения в гражданское процессуальное законодательство, регулирующие пределы действия имущественного (исполнительского) иммунитета применительно к жилому помещению (его частям), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в данном жилом помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания, с тем чтобы обеспечить возможность удовлетворения имущественных интересов кредитора (взыскателя) в случае, когда по своим характеристикам соответствующий объект недвижимости явно превышает уровень, достаточный для удовлетворения разумной потребности гражданина-должника и членов его семьи в жилище, а также предусмотреть для таких лиц гарантии сохранения жилищных условий, необходимых для нормального существования.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует

непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете» и «Собрании законодательства Российской Федерации». Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 11-П

Особое мнение

судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н.С.Бондаря

В рамках заявленного в соответствии с частью первой статьи 76 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» особого мнения представляется важным обратить внимание на следующие его мотивы и аргументы.

1. Особенность и, в известном смысле, неординарность рассмотренного Конституционным Судом Российской Федерации дела заключается в том, что вопросы, связанные с его предметом (положения части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации), ранее неоднократно затрагивались – напрямую или косвенно – в рамках конституционного судопроизводства (например, определения от 4 декабря 2003 года № 456-О, от 20 октября 2005 года № 382-О, от 24 ноября 2005 года № 492-О, от 19 апреля 2007 года № 241-О-О, от 20 ноября 2008 года № 956-О-О, от 1 декабря 2009 года № 1490-О-О, от 22 марта 2011 года № 313-О-О). Это потребовало прежде всего решения Конституционным Судом вопроса о допустимости жалоб заявителей.

Сам факт принятия к производству жалоб граждан Ф.Х.Гумеровой и Ю.А.Шикунова свидетельствует о том, что Конституционный Суд не выявил предусмотренных статьей 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» оснований для отказа в принятии данных обращений к рассмотрению. Очевидно, что в этом случае Суд исходил из того, что решение поставленной в обращениях заявителей проблемы с помощью определения Конституционного Суда – «отказного» либо с так называемым «позитивным» содержанием – невозможно и необходимо рассмотрение проблемы по существу с использованием всех необходимых для данной процедуры форм конституционно-судебного реагирования. Принятие жалоб к рассмотрению в данном случае означало, в конечном счете, что Конституционный Суд усмотрел *наличие неопределенности* с точки зрения соответствия оспариваемых законоположений Конституции Российской Федерации (часть вторая статьи 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Таким образом, уже этот факт является свидетельством признания Судом невозможности устранения имеющейся неопределенности на основе прежних его правовых позиций.

Вместе с тем при разрешении данного дела Конституционный Суд избрал, в конечном счете, подход, основанный на подтверждении ранее высказанных позиций и признании положения абзаца второй части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации *не противоречащим Конституции Российской Федерации*; был сделан вывод, что «оно направлено на защиту конституционного права на жилище не только самого гражданина-должника, но и членов его семьи, в том числе находящихся на его иждивении несовершеннолетних, престарелых, инвалидов, а также на обеспечение указанным лицам нормальных условий существования и гарантий их социально-экономических прав и в конечном счете на реализацию обязанности государства охранять достоинство личности» (абзац четвертый пункта 3.3 мотивировочной части, пункт 1 резолютивной части).

В то же время Суд определенно указал на имеющиеся *дефекты в правовом регулировании* соответствующих отношений *конституционно-правового характера*, но, руководствуясь принципом разумной сдержанности, воздержался от признания оспариваемого законоположения противоречащим Конституции Российской Федерации и одновременно обратился к федеральному законодателю с требованием внести в него необходимые изменения и дополнения в целях устранения выявленных недостатков. В частности, как это установлено Конституционным Судом, положение абзаца второй части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации не содержит ориентиров для определения минимума, необходимого и достаточного для удовлетворения разумной потребности человека в жилище (абзацы второй и третий пункта 4 мотивировочной части); следовательно, отсутствуют «возможности дифференцированного подхода при применении имущественного (исполнительского) иммунитета в отношении жилого помещения, принадлежащего на праве собственности гражданину-должнику и являющегося для него и членов его семьи единственным пригодным для постоянного проживания» (абзац четвертый пункта 4 мотивировочной части). Соответственно, это «не позволяет обратиться взыскание по исполнительным документам на такие жилые помещения, размеры которых могут значительно превышать средние показатели, а стоимость может быть достаточной для удовлетворения имущественных притязаний взыскателя без ущерба для существа конституционного права на жилище гражданина-должника и членов его семьи» (там же).

Но если действующее правовое регулирование имеет столь существенные дефекты, «что может приводить к несоразмерному и не подкрепленному никакой конституционно значимой целью ограничению прав кредиторов в их имущественных отношениях с гражданами-должниками» (абзац третий пункта 4 мотивировочной части), то

представляется вполне правомерным вопрос: можно ли считать оспариваемое законоположение соответствующим Конституции Российской Федерации?

Принимая решение воздержаться от признания нормы абзаца второго части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации неконституционной, Конституционный Суд мотивировал свою позицию тем, что иное – в условиях отсутствия специального законодательного регулирования того, какой размер жилого помещения на данном этапе развития общества может считаться удовлетворяющим требованию обеспечения разумной потребности человека в жилище – повлекло бы риск неоднозначного и, следовательно, произвольного выбора соответствующих критериев правоприменителем, причем в отношениях, характеризующихся высокой степенью социальной уязвимости людей, и притом что существующие в жилищной сфере нормативы имеют иное целевое назначение и использованы быть не могут (абзац восьмой пункта 4 мотивировочной части).

Однако, во-первых, у Конституционного Суда имеются и иные, в том числе специальные, способы конституционно-правового реагирования на такие ситуации, прежде всего установление особенностей исполнения принятого решения (пункт 12 части первой статьи 75 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Во-вторых, при наличии сходных условий, например в Постановлении от 12 июля 2007 года № 10-П по делу о проверке конституционности положения абзаца третьего части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В.Безменова и Н.В.Калабуна, Конституционный Суд, признав оспариваемое законоположение неконституционным, указал, что впредь до установления федеральным законодателем нового регулирования судам и другим правоприменительным органам надлежит «непосредственно применять Конституцию Российской Федерации, а также руководствоваться настоящим Постановлением, с тем чтобы не допустить несоразмерных ограничений имущественных прав граждан-должников и кредиторов,

включая заявителей по настоящему делу, как субъектов гражданского оборота земельных участков» (абзац второй пункта 1 резолютивной части).

В этом плане само по себе использование Конституционным Судом в конкретном деле метода воздержания от признания оспариваемых законоположений неконституционными не представляется бесспорным. Впервые – и, пожалуй, вполне оправданно – этот метод конституционно-судебного контроля был применен в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П по делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 ГПК Российской Федерации. Установив наличие системных нарушений требований принципа правовой определенности при урегулировании института судебного надзора, Конституционный Суд не стал признавать нормы ГПК Российской Федерации противоречащими Конституции Российской Федерации, объяснив свою позицию тем, что иное решение – без одновременного создания системы своевременного предупреждения и исправления судебных ошибок – привело бы к процессуально-правовому вакууму, дезорганизации не только деятельности судов надзорной инстанции, но и в целом гражданского судопроизводства. Но уже в силу уникальности данного дела вряд ли есть основания полагать, что примененная при его разрешении методология конституционно-судебного контроля может рассматриваться как ординарная. Представляется, что ее использование возможно и необходимо лишь в исключительных случаях, при наличии, как правило, системных дефектов в правовом регулировании, которые объективно исключают (затрудняют) возможность их конституционно-судебного исправления путем признания проверяемых норм неконституционными.

В рамках же анализируемого Постановления при таком подходе, связанном с воздержанием от признания неконституционности, кроме всего прочего, остается неясным, какое правовое значение имеют сделанные Конституционным Судом в рамках конкретного нормоконтроля итоговые

выводы, в том числе констатирующие наличие дефектов проверяемых положений конституционно-правового характера, непосредственно для заявителей и прежде всего для гражданки Ф.Х.Гумеровой, которая пыталась добиться через суд исполнения обязательства гражданином-должником, которому принадлежит жилое помещение общей площадью более 300 кв. м. Отсутствие в резолютивной части Постановления специального пункта о возможности пересмотра дела Ф.Х.Гумеровой (если бы для этого не было иных препятствий) свидетельствует о том, что возможное нарушение баланса интересов должника и кредитора (взыскателя) по-прежнему, в том числе после принятия настоящего Постановления, не может быть преодолено судебными и иными правоприменительными органами.

А между тем поиск путей и способов восстановления нарушенного баланса интересов должника – собственника единственного для него и членов его семьи жилого помещения и кредитора (взыскателя) как участников исполнительного производства – конституционно-правовая quintessence настоящего Постановления. Но этот ключевой вопрос – о защите прав кредиторов (взыскателей), претендующих на получение суммы долга за счет принадлежащих гражданам-должникам жилых помещений, которые по своим характеристикам значительно превышают минимально необходимые для удовлетворения потребностей в жилище размеры, – откладывается на неопределенный срок, вплоть до внесения соответствующих изменений в гражданское процессуальное законодательство.

2. Отдавая должное тому обстоятельству, что Постановление достаточно последовательно отражает линию на поиск компромисса в разрешении данной проблемы между различными, не совпадающими подходами, нельзя не признать, что судебные решения, основанные на примирении несовпадающих позиций, не всегда достигают поставленных целей; порой неизбежными оказываются элементы внутренней противоречивости в аргументации, связанной, например, с признанием

конституционности проверяемого положения, с одной стороны, и обоснованием его конституционно-правовой дефектности, с другой.

Главным в методологическом плане вопросом, стоявшим перед Конституционным Судом в настоящем деле, был вопрос об определении конституционных оснований и пределов вторжения в права должника в рамках исполнительного производства. Не случайно, что именно его решению в Постановлении уделяется основное внимание. При этом Конституционный Суд исходит из того, что, поскольку права и законные интересы участников гражданского оборота должны получать соразмерную (пропорциональную) защиту на основе баланса конституционных ценностей, постольку применительно к нормативно-правовому регулированию разрешения судом коллизий интересов кредиторов и должников это означает, что пределы возможного взыскания по исполнительным документам, имея целью предотвращение негативных последствий неисполнения гражданско-правового обязательства, должны отвечать интересам защиты конституционных прав гражданина-кредитора, однако они не могут затрагивать основное содержание конституционных прав гражданина-должника (абзац пятый пункта 2.2 мотивировочной части).

Тем самым получается, что сохранение основного содержания конституционных прав гражданина-должника является абсолютным пределом и, своего рода, критерием осуществления прав кредитора (взыскателя). Соответственно, фактически предполагается наличие между участниками исполнительного производства связей, аналогичных тем, что существуют между государством и индивидом при решении вопроса об ограничительном регулировании прав последнего, и фактическое распространение на эти отношения требований статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, допускающей только соразмерное ограничение законом прав и свобод человека и гражданина и только до той степени, при которой не будет утрачено их ядро, то самое основное содержание.

Между тем указанная конституционная норма (часть 3 статьи 55) по своему смыслу и назначению в системе конституционного регулирования не может быть автоматически распространена на отношения, возникающие между равноправными участниками гражданского оборота, и не может служить основанием для неисполнения ими в полном объеме тех обязательств, которые они на себя приняли в добровольно-договорном (диспозитивном) порядке. Обязанность субъектов гражданско-правовых отношений добросовестно выполнять свои договорные обязанности основывается на общеправовом принципе *pacta sunt servanda*, а также на гарантировании неприкосновенности собственности, свободы экономической деятельности и свободы договора, судебной защиты нарушенных прав (статья 8, часть 1; статья 17, часть 3; статьи 34, 35 и 46 Конституции Российской Федерации), она предполагает в целях восстановления нарушенных прав кредиторов возможность взыскания по долгам за счет имущества должников (абзац четвертый пункта 2.1 мотивировочной части). Следовательно, соответствующая обязанность имеет, по существу, конституционно обусловленный характер, а ее законодательное урегулирование представляет собой не ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в смысле статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, а законодательное оформление объективных пределов конституционно-должного поведения.

Иной подход не столько ведет к обоснованию изъятий в перечне имущества должника, на которое может быть обращено взыскание по исполнительным документам, сколько ставит под сомнение саму возможность исполнения обязанности и осуществления взыскания, поскольку оно предполагает лишение должника его имущества, т.е. не ограничение, а прекращение его имущественных прав, включая, между прочим, и жилое помещение – если это связано с ипотечными отношениями. Гражданин, вступая осознанно и добровольно в гражданско-правовые отношения, приобретает не только определенные права, но и обязанности

перед контрагентами, их объем и содержание имеют договорный характер. Следовательно, государство в рамках урегулирования отношений в области исполнительного производства вправе и обязано установить лишь тот минимальный объем исключений из прав кредитора (взыскателя), реализация которых могла бы привести к умалению человеческого достоинства должника, поскольку поддержание этого принципа является основополагающим и для самого гражданского оборота.

В этом плане рассмотренная Конституционным Судом проблема имеет не столько социальное, сколько юридическое, нормативно-правовое содержание. Поэтому при поиске начал соразмерности и пропорциональности в защите права собственности и иных имущественных прав кредитора, с одной стороны, и права на жилище гражданина-должника, с другой, вряд ли есть основание выводить конституционные начала защиты прав должника в том числе из принципа социальной государственности (статья 7 Конституции Российской Федерации). Соответствующие отношения в рамках исполнительного производства сводятся не к тому, чтобы объявить «войну дворцам» и «богатого должника сделать бедным», а чтобы обеспечить безусловное исполнение долгового обязательства при гарантировании должнику и проживающей с ним семье *минимально необходимых* условий проживания, в том числе жилищных. Кстати, и Федеральный закон «Об исполнительном производстве» относит к принципам исполнительного производства неприкосновенность *минимума имущества*, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи. Реализованный же в Постановлении концептуальный подход может быть воспринят, в том числе законодателем, как ориентирующий на преимущественную защиту в рамках исполнительного производства прав и законных интересов гражданина-должника перед кредитором (взыскателем). Это вызывает сомнение как с точки зрения новых социально-экономических условий развития рынка жилья, так и юридической природы данного типа правоотношений как формы

обеспечения принудительной реализации обязательств, вытекающих из гражданско-правового договора, включая природу института имущественного (исполнительского) иммунитета.

3. Известно, что конфликт конституционных ценностей, затрагивающих право частной собственности и его судебную защиту, с одной стороны, и право на жилище, отвечающее нормальным условиям существования, с другой, во многом решается именно путем установления *имущественного (исполнительского) иммунитета* на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности единственное пригодное для постоянного проживания жилое помещение (его часть). Нет ничего удивительного в том, что названный институт имеет в этой его части богатое и разнообразное регулирование в правовых системах зарубежных государств, каждая из которых стремится к тому, чтобы обеспечить адекватный конкретно-историческим условиям ее развития справедливый баланс между соответствующими ценностями.

Анализ зарубежного опыта дает возможность выделить, по крайней мере, четыре модели правового регулирования в данной области, начиная с: а) отсутствия законодательного регулирования обращения взыскания на единственное жилое помещение должника (например, Армения, Испания, Италия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Люксембург, Молдова, Соединенное Королевство, Таджикистан, Украина, Франция, Швейцария, Эстония); продолжая б) установлением запретов обращения взыскания на единственное жилое помещение должника (Белоруссия, Бразилия, Туркменистан, Узбекистан, Швеция), которые, тем не менее, имеют определенные, а порой и существенные, исключения; и в) установлением возможности обращения взыскания на единственное жилое помещение должника с предоставлением взамен иного жилого помещения или сохранением за должником права пользования жилым помещением (Австрия, Бельгия, Германия, Лихтенштейн, Португалия, Словакия); а также г) обращением взыскания на часть единственного жилого помещения должника – при условии, что она

может быть выделена в натуре (Болгария, Португалия, Узбекистан) или в стоимостном выражении.¹

Уже этот беглый обзор демонстрирует, что имущественный (исполнительский) иммунитет в части его распространения на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности жилое помещение не является абсолютным; критериями отнесения жилого помещения к сфере действия названного запрета служат его объективные характеристики, связанные с удовлетворением минимальных потребностей человека в жилище, а не формальные условия, связанные с отсутствием у гражданина-должника и членов его семьи других жилых помещений; баланс интересов кредиторов (взыскателей) и граждан-должников может обеспечиваться не только путем физического раздела жилого помещения, но и иными способами, связанными со своего рода расщеплением прав собственности на соответствующий объект недвижимости, когда за гражданином-должником сохраняется право пользования жилым помещением, а распорядительные полномочия переходят к кредитору (взыскателю).

С точки зрения этих выработанных и апробированных в мировой практике подходов действующее российское законодательство в части регулирования отношений по обращению взыскания на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности жилое помещение может рассматриваться как весьма несовершенное; оно не отвечает современным представлениям об институте имущественного (исполнительского) иммунитета, не содержит инструментария «взвешивания» конкурирующих конституционных ценностей и не обеспечивает их приведение к должному балансу.

Обжалуемое положение абзаца второй части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации не предполагает учета судами при рассмотрении

¹ См.: Обращение взыскания по исполнительным документам на единственное жилое помещение в современном международном и зарубежном праве и судебной практике конституционного контроля // Зарубежная практика конституционного контроля. Конституционный Суд Российской Федерации. 2012. Вып. 189. С. 7–9.

конкретных дел каких-либо иных, кроме прямо указанных в законе, характеристик принадлежащего гражданину-должнику жилого помещения, включая его размер, качественные показатели и стоимость, в том числе соотношение последней с размером указанной в исполнительном документе задолженности. Тем самым оспариваемые законоположения исходят, по существу, из того, что при любых обстоятельствах (не связанных с ипотекой) невозможно ухудшение жилищных условий гражданина-должника в сравнении с достигнутым уровнем по тому лишь признаку, что жилое помещение является для него единственным пригодным для постоянного проживания. Такой подход в современной ситуации развития рыночной экономики и значительного расслоения населения по жилищным условиям не является оправданным ни с юридической, ни с социальной точек зрения.

Сегодня проблема неформального, дифференцированного применения имущественного (исполнительского) иммунитета приобретает особое значение с точки зрения требований социальной справедливости, с одной стороны, и исполнения судебных решений по искам к должникам в рамках имущественных отношений гражданско-правового характера – с другой. Если на начальном этапе перехода к рынку наличие в законодательстве подобного рода запретов можно было объяснить необходимостью повышенной защиты граждан как экономически более слабой стороны рыночных отношений, имея в виду, что они не успели адаптироваться к новым условиям хозяйствования и новым принципам правового регулирования гражданского оборота, то сегодня, с изменением социально-экономических отношений (рост уровня благосостояния граждан, изменение структуры жилищного фонда, усложнение гражданского оборота, повышение правовой грамотности населения), оно не может более оставаться терпимым. В конечном счете, это ведет к приоритетному учету интересов гражданина-должника и одновременно – к ущемлению интересов кредиторов (взыскателей), не только противоречит требованиям социальной справедливости, но и нарушает принцип равенства перед законом, включая

равенство юридической ответственности (в данном случае – гражданско-правовой), что, в конечном счете, ведет и к усилению социального неравенства.

Действующее правовое регулирование не исключает также возможности злоупотреблений со стороны недобросовестных должников, которые могут воспользоваться имущественным (исполнительским) иммунитетом в целях неисполнения, ненадлежащего исполнения своих гражданско-правовых обязательств перед кредиторами, в частности вложить денежные средства, в том числе неосновательно накопленные, в дорогостоящее жилое помещение, на которое, как на единственное для них жилье, нельзя обратить взыскание – несмотря на его размер, качество и стоимость.

4. Использованный законодателем при установлении имущественного (исполнительского) иммунитета в соответствующей его части формальный критерий, выраженный в признаке «единственности» жилого помещения, пригодного для постоянного проживания, у гражданина-должника, лишает судебные органы, рассматривающие соответствующую категорию дел, их дискреционных полномочий, необходимых для достижения целей правосудия и установления справедливости по конкретному делу. При решении вопросов, касающихся обращения взыскания на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности жилое помещение, суды, по существу, вынуждены отказывать в удовлетворении заявленных требований кредитора (взыскателя) на основании установления лишь того факта, что у гражданина-должника и совместно проживающих членов его семьи нет других жилых помещений, пригодных для постоянного проживания. Соответственно, судебные органы не имеют возможности исследовать весь комплекс юридически значимых обстоятельств каждого конкретного дела, в том числе оценить количественные, качественные и иные стоимостные характеристики данного жилого помещения. Между тем право на судебную защиту, как неоднократно указывал Конституционный Суд, оказывается

существенно ущемленным, если суды при рассмотрении дела не исследуют его фактические обстоятельства по существу, ограничиваясь установлением формальных условий применения нормы (постановления от 6 июня 1995 года № 7-П, от 13 июня 1996 года № 14-П, от 28 октября 1999 года № 14-П, от 22 ноября 2000 года № 14-П, от 14 июля 2003 года № 12-П, от 12 июля 2007 года № 10-П).

Анализ судебной практики, включая решения, принятые в рамках конкретных дел граждан-заявителей Конституционным Судом, свидетельствует о том, что формальный подход к применению положений абзацев первого и второго части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации являлся до последнего времени преобладающим, тогда как иные, отличающиеся от него по своему характеру решения не получали поддержки со стороны вышестоящих инстанций (например, определение Кировского районного суда города Уфы определением от 26 октября 2010 года, которым было удовлетворено заявление гражданки Ф.Х.Гумеровой, впоследствии было отменено определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан).

Несовершенство действующего правового регулирования обращения взыскания на принадлежащее гражданину-должнику жилое помещение было признано, по существу, всеми участниками конституционного судопроизводства, включая представителей стороны, принявшей и подписавшей оспариваемый нормативный правовой акт. В процессе заседания указывалось на необходимость дополнительной правовой регламентации данных отношений, которая должна осуществляться на основе сбалансированного учета прав и законных интересов всех участников исполнительного производства, способствовать более эффективной защите интересов кредиторов и реальному приведению в исполнение вступивших в законную силу судебных решений, а также не должна стимулировать злоупотребление своими правами со стороны должников.

Таким образом, недостатки действующего правового регулирования обращения взыскания на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности жилое помещение (его части) являются вполне очевидными, а субъекты законодательной власти в принципиальном плане не оспаривают того, что нормы абзацев первого и второго части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации в их существующем виде могут приводить (и приводят) на практике к деформациям в балансе между интересами кредиторов (взыскателей) и граждан-должников в сторону последних.

5. Резюмируя изложенное, прихожу к следующим выводам.

Во-первых, положение абзаца второго части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации в системе действующего правового регулирования не позволяет достичь оптимального баланса интересов кредиторов (взыскателей) и должников, а отсутствие дифференцированных критериев применения имущественного (исполнительского) иммунитета в отношении принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности жилого помещения (его части), как и нормативно-правового механизма реализации обращения взыскания свидетельствует о наличии такого пробела в законодательстве, который влечет нарушение конституционных прав и свобод граждан.

Во-вторых, судебная практика применения названного законоположения в целом следует формальному подходу, при котором суды для применения имущественного (исполнительского) иммунитета в отношении жилого помещения ограничиваются лишь установлением того, что оно является единственным пригодным для постоянного проживания гражданина-должника и совместно проживающих членов его семьи, а попытки подойти к решению этого вопроса неформально – в отсутствие четких нормативных правовых критериев – ведут к нарушению конституционного принципа равенства всех перед законом и судом.

В-третьих, имеет место длительное бездействие законодателя по решению проблемы, на которую впервые было указано еще в Определении

Конституционного Суда от 4 декабря 2003 года № 456-О. Что же касается содержащихся в настоящем Постановлении поручений законодателю о внесении в действующее законодательство изменений и дополнений, необходимых для устранения выявленных в нем Конституционным Судом недостатков, то отсутствие вывода о неконституционности проверяемого законоположения заметно снижает императивный потенциал такого предписания: не случайно Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» (часть четвертая статьи 79) связывает данное полномочие Суда с ситуациями, когда «нормативный акт признан не соответствующим Конституции Российской Федерации полностью или частично либо из решения Конституционного Суда Российской Федерации вытекает необходимость устранения пробела в правовом регулировании».

Полагаю, что приведенные, как и некоторые другие, аргументы могли бы лечь в основу признания положения абзаца второго части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации.

Особое мнение

судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А.Жилина

В соответствии со статьей 76 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» заявляю о несогласии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 года № 11-П по делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.К.Гумеровой и Ю.А.Шикунова по следующим основаниям.

1. Правовой институт имущественного (исполнительского) иммунитета в отношении находящегося в собственности гражданина жилого помещения, которое является единственным пригодным для проживания, как направленный на защиту конституционного права на жилище гражданина-должника и членов его семьи и предполагающий соблюдение баланса прав и законных интересов обеих сторон в исполнительном производстве, сам по себе не противоречит Конституции Российской Федерации. Такая правовая позиция была сформулирована Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 4 декабря 2003 года № 456-О, затем неоднократно подтверждалась в ряде его решений и по существу продублирована со ссылкой на них в Постановлении по настоящему делу. Соответственно, в таком абстрактном значении она не вызывает возражения.

Вместе с тем в Постановлении по настоящему делу Конституционный Суд не должен был ограничиваться выводом о конституционности оспоренного законоположения лишь постольку, поскольку оно направлено на обеспечение должнику и членам его семьи нормальных условий существования и гарантий их социально-экономических прав. В данном случае дело рассматривалось не по абстрактному запросу о проверке конституционности указанного правового института как такового, а по жалобам граждан-кредиторов на нарушение их конституционных прав. Причем заявители и не оспаривали конституционность абзаца второй части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации в том аспекте, как это сформулировано в пункте 1 резолютивной части настоящего Постановления, усматривая нарушение своих конституционных прав лишь в том, что он не обеспечивает соблюдение баланса прав и законных интересов кредитора и должника.

Так, Ф.К.Гумерова с учетом конкретной правоприменительной ситуации по ее делу просила признать данное законоположение не соответствующим Конституции Российской Федерации в той части, в какой оно не позволяет обращать взыскание на долю в праве собственности на

жилое помещение без учета его количественных и качественных характеристик, фактического использования и сохранения за должником и членами его семьи необходимого уровня существования. По существу, к этому же сводились и доводы Ю.А.Шикунова, полагавшего с учетом обстоятельств его дела, что обращение в его пользу взыскания на часть жилого помещения, пропорциональную по стоимости сумме долга, сохраняет в данной конкретной правоприменительной ситуации за должником и членами его семьи минимальный уровень обеспеченности жильем (не ниже санитарных норм).

Следовательно, соглашаясь с тем, что содержащийся в оспоренном законоположении запрет обращения взыскания на единственное пригодное для проживания жилое помещение сам по себе, как направленный на обеспечение жилищных прав должника и членов его семьи, не противоречит Конституции Российской Федерации, заявители оспорили его конституционность лишь в той мере, в какой оно препятствует исполнению судебного решения и в тех случаях, когда применение соответствующих мер принудительного исполнения сохраняет нормальные условия существования для собственника жилого помещения и его семьи. Именно таким образом сформулирован заявителями предмет обращения в Конституционный Суд и изложены аргументы в обоснование утверждения о нарушении их конституционных прав применением оспоренного законоположения судом общей юрисдикции.

2. В механизме судебной защиты, представляющем собой совокупность правовых средств, направленных на обеспечение правосудием прав и свобод человека и гражданина (статья 18 Конституции Российской Федерации), установленная законом невозможность обращения взыскания на имущество должника играет специфическую роль. Являясь исключением из общего правила об ответственности гражданина по своим обязательствам всем своим имуществом, она создает очевидные препятствия для исполнения судебного решения, ограничивая имущественные права кредитора (взыскателя), а также

его право на судебную защиту, что отмечено Конституционным Судом и в Постановлении по настоящему делу.

Предусматривая возможность ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина, статья 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации допускает такое ограничение только в той мере, в какой оно необходимо в целях защиты конституционно значимых ценностей, к числу которых относится нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц. При этом, как верно указал Конституционный Суд в мотивировочной части Постановления по настоящему делу, осуществление прав и свобод человека и гражданина в силу статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации имеет в качестве своего объективного предела воспрепятствование реализации прав и свобод других лиц, причинение вреда их конституционно гарантированным интересам, поэтому для обеспечения равной судебной защиты прав кредитора (взыскателя) и должника федеральный законодатель должен исходить из того, что возникающие коллизии их законных интересов во всяком случае не могут преодолеваться путем предоставления защиты одним правам в нарушение других, равноценных по своему конституционному значению.

Устанавливая в отношении не обремененных ипотекой жилых помещений в качестве основания для освобождения от взыскания лишь общее для всех случаев условие единственности пригодного для проживания помещения, абзац второй части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации абстрагируется от любых возможных вариантов исполнения обязательства за счет такого имущества – вне зависимости от характеристики соответствующего объекта недвижимости. Это вступает в явное противоречие с конституционно-правовыми критериями допустимых пределов ограничения конституционных прав кредитора (взыскателя); не согласуется такое законодательное регулирование и с основными положениями исполнительного производства, включающими принцип неприкосновенности лишь минимума имущества, необходимого для

существования должника-гражданина и членов его семьи (пункт 4 статьи 4 Федерального закона «Об исполнительном судопроизводстве»).

На рынке жилья стоимость жилых помещений, находящихся в собственности граждан, существенно различается в зависимости от их количественных и качественных параметров. Соответственно, критерий единственности пригодного для проживания помещения не должен быть универсальным основанием для освобождения данного имущества от обращения на него взыскания. Является очевидным, что в некоторых правоприменительных ситуациях использование обычных для гражданского оборота средств (раздел имущества, продажа с торгов и т.п.) позволит обеспечить реализацию прав кредитора (взыскателя), не создавая препятствий для соблюдения необходимого минимума жилищных условий для гражданина-должника и членов его семьи.

Так, из материалов дела Ф.К.Гумеровой следует, что при долге по исполнительному листу от 14 апреля 2008 года в сумме 3 075 328 рублей должник имеет в собственности жилой дом общей площадью 332,5 кв. м, стоимость которого составляет 9 781 000 рублей. При этом должник, проживающий, по утверждению заявителя, в доме один, каких-либо действий по исполнению своего обязательства, подтвержденного решением суда, не предпринимает. Из приложенных к жалобе копий судебных постановлений следует, что в результате принятия мер принудительного исполнения удалось наложить арест на движимое имущество стоимостью лишь 6 280 рублей и обратить взыскание на пенсию, размер которой составляет около 2 000 рублей в месяц.

3. На несовершенство оспоренного законоположения, создающего возможность несоразмерного ограничения прав кредитора (взыскателя), указывается и в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу. Конституционно-правовая аргументация, приведенная в обоснование этого вывода, возражений не вызывает, но с учетом того, что заявители обратились с жалобой на нарушение

конституционных прав законоположением, примененным судом в их конкретных делах, нельзя не сопоставить соответствующие аргументы с обстоятельствами этих дел.

В частности, в пункте 4 мотивировочной части Постановления указывается, что распространение безусловного имущественного (исполнительского) иммунитета на жилые помещения, размеры которых значительно превышают средние показатели, а стоимость достаточна для удовлетворения имущественных притязаний взыскателя без ущерба для существа конституционного права на жилище гражданина-должника и членов его семьи, означало бы не столько стремление защитить данное право, сколько соблюдение исключительно имущественных интересов должника в ущерб интересам взыскателя, а следовательно, вопреки требованиям, вытекающим из статей 8 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (часть 1) и 40 (часть 1) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), – нарушение баланса интересов должника и кредитора (взыскателя) как участников исполнительного производства. Обстоятельства дела Ф.К.Гумеровой с очевидностью указывают, что именно в такой ситуации она и оказалась в связи с применением судами оспоренного законоположения в исполнительном производстве по взысканию долга в ее пользу, однако соответствующего решения по ее жалобе Конституционный Суд в резолютивной части не принял.

Следует отметить и еще один существенный негативный аспект такого нормативного регулирования, поскольку вопреки необходимости соблюдения баланса конституционно защищаемых прав, свобод и законных интересов обеих сторон в исполнительном производстве оно не только не стимулирует должника к исполнению обязательства при наличии к тому возможностей, но и создает условия для злоупотребления им своими правами в ущерб правам кредитора (взыскателя).

Например, как следует из жалобы Ю.А.Шикунова и приложенных к ней документов, другая сторона в исполнительном производстве по взысканию в

его пользу долга уклоняется от исполнения решения суда. В целях укрытия от взыскания имущества, на которое был наложен арест, должником были сняты деньги с банковских счетов, вывезено ценное имущество из квартиры, проданы автомобили и гаражи.

4. В отличие от регулирования, предусмотренного оспоренным законоположением, законодательство некоторых других государств, где также предусмотрен запрет обращения взыскания по исполнительным документам на жилые помещения, исходит из необходимости сохранения разумного баланса социально значимых интересов взыскателя и должника.

Так, в Болгарии при превышении норм минимального обеспечения жильем должника и членов его семьи, определенных постановлением Совета Министров, часть жилого помещения, превышающего указанные нормы, при возможности его раздела подлежит продаже (статья 444 Гражданского процессуального кодекса).

В провинции Онтарио Канады законодательство запрещает обращение взыскания на жилое помещение, единственное для должника, если только его стоимость не превышает определенный размер (статья 2 Акта об исполнении).

В штате Нью-Йорк запрещается обращение взыскания на единственное жилое помещение должника, если его стоимость не превышает определенный размер; при его превышении взыскание обращается на сумму, составляющую превышение (§ 5206 Консолидированных законов).

В Узбекистане обращение взыскания на единственный жилой дом (квартиру) должника допускается, если суд сочтет возможным раздел жилого дома (квартиры), в том числе прилегающей к нему территории, на части – достаточные для нормальной жизнеобеспеченности должника и его семьи (статья 52 Закона «Об исполнении судебных актов и актов иных органов»).

В Германии допускается взыскание на любое недвижимое имущество должника, однако суд может предоставить должнику разумный срок для освобождения помещения, который в целом не должен превышать одного

года; суд также может полностью или в части отменить, запретить или приостановить меры принудительного исполнения, если они, даже исходя из потребности кредиторов, в силу особых обстоятельств означают затруднение, несовместимое с добрыми нравами (§ 721 и 765а Гражданского процессуального уложения).

5. Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по жалобам граждан конституционность законоположений, примененных судом в конкретном деле и затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, не связан основаниями и доводами жалобы, однако принимает постановление по предмету, указанному в ней; в случае признания оспоренного законоположения не соответствующим Конституции Российской Федерации конкретное дело заявителя во всяком случае подлежит пересмотру, ему за счет федерального бюджета возмещаются судебные расходы (статьи 74, 96, 97 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Именно эти последствия, обусловленные правовой природой механизма защиты прав посредством конституционного судопроизводства, согласно статьям 18, 46 (части 1 и 2), 118 (части 1 и 2), 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации и статьям 3, 96–100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» призваны обеспечить восстановление конституционных прав граждан, нарушенных применением неконституционного законоположения.

В мотивировочной части Постановления по настоящему делу Конституционный Суд с учетом указанного заявителями предмета по существу признал их правоту о неконституционности абзаца второй части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации в оспоренном ими аспекте, однако в резолютивной части соответствующего решения по нему не принял, хотя и обязал законодателя (пункт 2) внести изменения в законодательство, согласующиеся по своей направленности с доводами, изложенными заявителями в жалобах. Воздержавшись при этом от признания оспоренного

законоположения в соответствующей части неконституционным, Конституционный Суд Российской Федерации не обеспечил восстановление нарушенных прав заявителей.

6. Таким образом, оспоренное гражданами Ф.К.Гумеровой и Ю.А.Шикуновым положение абзаца второго части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации следовало признать не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 8 (часть 1), 17 (часть 3), 18, 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), в той части, в какой оно содержит запрет обращения взыскания по исполнительным документам на единственное пригодное для постоянного проживания гражданина-должника и членов его семьи жилое помещение (его часть) в случаях, когда количественные и качественные характеристики помещения позволяют осуществить такое взыскание при сохранении нормального (минимально необходимого) уровня жилищных условий для указанных лиц.